

Слово редактора

ЧИТАЯ АЛЕКСАНДРА КОЙРЕ: ФЕНОМЕН ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ К СИСТЕМЕ ТОТАЛЬНОЙ ЛЖИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье сформулирована авторская гипотеза об Александре Койре как политическом философе XX века. Для обоснования гипотезы рассматриваются концепты «независимой мысли», «духовного режима», «правительственной философии» и «политической инновации», высказанные в работах Койре «Философия и национальная проблема в России начала XIX века» и «Размышления о лжи». Эти концепты анализируются на фоне современных историко-философских, археографических и политических дискуссий.

Ключевые слова: Александр Койре, духовный режим, правительственная философия, независимая мысль.

В советских и российских энциклопедиях и словарях Александр Койре квалифицировался как философ и историк науки [Койре Электронная библиотека]. Но в его творчестве есть мощный пласт социально-исторических и политических проблем. Их можно извлечь из его работ по истории и философии науки [Койре 1985; Койре 1994; Койре 2001], применяя для этого современные историографические и методологические концептуализации [Черняк 1985; Горохов 2015]. Цель статьи — дать первый набросок рабочей гипотезы об А. Койре как политическом философе на ограниченном пространстве анализа двух его произведений — книги «Философия и национальная проблема в России XIX века» и статьи «Размышления о лжи».

Независимая мысль

в контексте духовного режима и правительственной философии

Оттолкнусь от констатации А.М. Руткевича: указанная книга А. Койре, опубликованная в 1929 г., не устарела и сегодня «...потому, что мы продолжаем обсуждать те же самые проблемы» [Руткевич 2003]. Данные проблемы изложены Койре в заключительной главе книги. С приходом Николая I, — писал А. Койре, — «...произошло серьезное изменение государственной политики, которое было важно и в высшей степени значимо с точки зрения истории идей: замена политики международной реакции, вдохновляемой Священным Союзом, на политику национальной реакции (курсив А. Койре — В.М.), связанной с желанием «воз-

врата» к ортодоксии, идет ли речь о православной религии или о политике. Но на практике эта перемена была почти неощутима. Несколько книг, ранее разрешённых и даже рекомендованных, были запрещены; несколько других, ранее запрещённых и даже уничтоженных, были разрешены или переизданы; *независимая мысль* (курсив мой, — В.М.) от этого обмена ничего не получила... Строго говоря, мыслить позволялось только потому, что мысль не имела никакого значения. Но делать это нужно было молча» [Койре 2003: 206–207; 225].

Стало быть, идея Койре проста: изучать изменения международной и внутренней политики России с учётом желаний верховного лица государства вернуться к ортодоксии в религии и политике и влияния данного произвола на развитие независимой мысли страны. Такую методологическую стратегию [Пружинин 2014] я давно использую для анализа периодов перехода от эпохи реформ к эпохе реакции, применяя концепт «искусства внутренней дипломатии» [Макаренко 1989; Макаренко 2016]. Такой период переживает Россия после 1991 г., о чем научное сообщество было информировано уже в июне 1992 г. [Бюрократия... 1993]. Но в то время тренд реакции ещё не проявился в полной мере [Согрин 2005]. После 2000 г. он уже не вызывает никаких сомнений [Олейник 2011; Пивоваров 2014; Шейнис 2014]. Поэтому нетрудно провести параллель между политикой реакции в России начала XIX в., которую изучал Койре, и политикой России в конце XX — начале XXI вв.

Общие свойства такой политики разнообразны и могут составить предмет детального разьяснения. В частности, А. Хиршман описал риторику реакции европейских стран на протяжении последних двухсот лет [Хиршман 2010]. В ее состав входит три основных аргумента противников реформ: тезис об извращении (согласно которому любое действие, направленное на улучшение политического, социального или экономического устройства, приводит к противоположным результатам); тезис о тщетности (когда утверждается, что любые попытки преобразования общества ни к чему не приведут); тезис об опасности (когда думают, пишут и говорят, что реформы обойдутся слишком дорого и поставят под угрозу прошлые завоевания). Обнаружить все эти аргументы в деятельности, поведении и мышлении современных российских политиков и сервильных идеологов, а также во всей совокупности принятых политических решений не составляет большого труда. Этим объясняется первый момент внеконтекстуального смысла книги Койре.

Следующий сюжет связан с фундаментальной проблемой становления независимой мысли в России. Эта проблема существует до настоящего времени и прекрасно описана в концепции «раболепствующего разума» Б.И. Пружинина [Пружинин 2009], которую можно сопоставить с концепцией «порабощённого разума» Ч. Милоша [Милош 2003] для извлечения нетривиальных выводов. Поэтому сразу надо уточнять, что имел в виду под «независимой мыслью» А. Койре, когда писал свою книгу?

Высказывание Койре базируется на молчаливой посылке о потенциальной возможности существования независимой мысли в России. Но данная посылка вытекает из анализа множества реальных социальных, политических, религиозных, издательских, цивилизационных, национальных и идейно-мировоззренческих барьеров (способов блокировки), препятствующих становлению независимой мысли в конкретно-исторических обстоятельствах России начала XIX в. В результате анализа данных барьеров Койре предложил изучать процесс становления независимой мысли в России с помощью концептов «духовный режим» и «правительственная философия». Любой концепт предполагает дискуссию и спор [Неретина 2011]. В книге Койре данные концепты вплетены в его спор с конкретными духовными и светскими направлениями борьбы правительства России с философией по мере ее проникновения в страну.

По его мнению, возникающая светская мысль России унаследовала от Русской православной церкви идею противопоставления России Европе и пропаганды вражды между

ними. Таким был главный элемент «духовного режима» России начала XIX в. [Карташев 1992]. Эта идея воспроизводится до сих пор [Костюк 2002], хотя о «духовном режиме» современной России нужна особая статья. Проницательность Койре следует подчеркнуть, поскольку он с помощью данного концепта описывал формы и способы влияния религиозного истеблишмента России начала XIX в. на возникающую русскую философию. В современной России апологеты господства религии над философией не перевелись [Щедрина 2008]. Когда я пишу эти строки, в Рунете висит более 1 000 000 сайтов о «духовном режиме» и «духовности». Поэтому реконструкция концепта «духовный режим» позволит детально описать современные формы и типологию религиозно-философской апологетики в социальной и политической сфере.

Койре считал «правительственную философию» следствием «духовного режима». И включал в ее состав органическую концепцию истории, изображение России как особого мира, отрицательное отношение к изменениям государственного порядка и заимствованию идей за рубежом, положительное отношение к идее «возврата в прошлое», приписывание правительству просвещенческой функции, квалификацию философии как подозрительного, опасного, бесполезного и разрушительного начала, стремление создать благонамеренную философию, политизацию мышления по причине отсутствия политической жизни, равнодушие к истине [Койре 2003: 8–9, 18, 23–32, 52, 59, 97, 197, 201 и др].

Все эти шаблоны мысли благополучно здравствуют и сегодня, породив целые библиотеки литературы в ожидании своего летописца. По примеру Койре, я предлагаю материалом для летописи взять сборник «В защиту науки» (уже издано 18 номеров). Сборник «В защиту философии» пока не выходил, но «рок событий» влечёт в этом направлении [Соловьев 2016].

Указанные концепты и шаблоны мысли начала XIX в. в России были резюмированы в известной триаде графа Уварова «православие-самодержавие-народность». Это троеперстие возникало в полемике не с более прогрессистской, но с более охранительной, чем у самого Уварова, позицией: «Он стремится доказать, что поскольку Россия не инфицирована европейской «заразой», то излишними будут и суровые меры в отношении университетов, и поспешное решение проблемы народных школ» [Майофис 2010: 63]. Концепция духовного режима была вплетена в конкуренцию между разными фигурами бюрократической иерархии за доступ к должности, которая обеспечивала слежку за тем, что читает, изучает, с кем общается Россия и блокаду «преждевременных попыток духовной деятельности, до которой она (Россия, — В.М.) ещё не созрела». При этом вершина власти оказывалась критерием для определения духовной «зрелости (незрелости)» страны. В итоге изучения данных попыток Койре констатирует: «Идея правительственной философии разваливается, поскольку содержит внутреннее противоречие» [Койре 2003: 278].

Но развал идеи правительственной философии того времени не означал физической смерти ее главных телесных носителей и духовных сопутствующих элементов. Наоборот, они воспроизводятся в России на протяжении двухсот лет, каждый раз заново в иных комбинациях. Процесс воспроизводства обеспечивается множеством направлений влияния духовной и светской власти, а также интеллектуально-политических мод, на философскую жизнь и возникающую при этом концептуальную рутину [Макаренко 2009; Макаренко 2016]. Особенно важную роль во взаимосвязи «духовного режима» с «правительственной философией» сыграло православное равнодушие к истине.

Внеконтекстуальные проблемы политической инновации

В исследовательской практике Койре статья «Размышления о лжи» может рассматриваться как важнейшее следствие универсализации проблематики и разработки аппарата для

изучения феномена равнодушия к истине, описанного в книге «Философия и национальная проблема в России начала XIX века». Эта статья небольшая, но ёмкая с точки зрения поставленных в ней проблем, подтекста, контекста, пафоса и следствий. Она была естественным следствием книги. Но в 1929 г. опасности национализации продуктов духовного творчества ещё не были толком осознаны. Сталинизм и нацизм ещё не развернулись полностью. Тогда как статья «Размышления о лжи» опубликована в 1943 г. — в разгар второй мировой войны между сталинизмом и нацизмом, в которой участвовали и демократические державы. В статье показано, что националистская концепция истины является важным источником лжи, препятствующей развитию независимой мысли уже не только в сталинской России, но и в гитлеровской Германии.

Изучение социального контекста создания, идейно-политического и нравственного подтекста содержания статьи само по себе может составить поле археографических и историографических исследований. При этом надо использовать не только литературоведческие штудии по проблеме контекста, но и политологические исследования [Contextual political analysis... 2006]. Речь идёт о систематизации всех фактов написания во время второй мировой войны фундаментальных (или хотя бы заметных) философских произведений. Меня всегда поражали факты интенсивного духовного творчества в буквальном смысле слова «под бомбежкой». Я мало знаю таких фактов. Но со студенческой скамьи помню, что «Эстетика» Н. Гартмана и «История философии» В. Татаркевича были написаны как раз во время войны. А прецедент «Блокадной книги» Д. Гранина и А. Адамовича позволяет систематизировать множество продуктов духовного творчества, созданных в бесчеловечных условиях. Уже само культивирование способности предельного дистанцирования от окружающей действительности ради духовного творчества заслуживает безусловного пиетета, одновременно опровергая примитивные детерминистские схемы. Одновременно такая способность может служить антропологическим аргументом в пользу интерналистской концепции истории науки, развиваемой А. Койре. Но это особый предмет разговора в рамках культурно-исторической эпистемологии.

Проблемная структура статьи включает анализ следующих тем: современная политическая ложь; официальные философы тоталитарных режимов; отношение религиозной, философской и общественной морали ко лжи; война как социальный контекст лжи; специфика и социология тайных сообществ; тоталитарная антропология и пропаганда [Койре 2013]. Предлагаемая мной систематизация является результатом неоднократного чтения и размышления о содержании статьи. Возможна и другая расстановка акцентов. Я попытаюсь вычлени в данных темах внеконтекстуальное содержание, которое может быть применено и к анализу современных проблем. Такая процедура потребует переключки высказанных Койре суждений с суждениями его современников и потомков. В статье сформулированы теоретически и методологически значимые положения, которые невозможно обсуждать бегло. Поэтому я попытаюсь максимально кратко и в то же время без вмешательства в тезисы и аргументы Койре изложить его позицию по каждой из обозначенных тем.

Койре исходит из факта: политическая ложь — постоянная характеристика истории цивилизации. Человек определяется речью, а последняя вводит возможность лжи. Правила и техники демагогии и пропаганды систематизированы и кодифицированы тысячи лет назад, в практике греческой софистики и других учений о побуждающей силе слова. Однако Койре интересуется современной политической ложью. Его исходный тезис звучит так: никогда не лгали так, как в наше время, и никогда не лгали столь массово и тотально, как сегодня; потоки лжи изливаются на мир; весь технический прогресс поставлен на службу лжи. Изощённость техники пропаганды идёт в ногу с топорным содержанием ее утверждений, которые изобличают

абсолютное и тотальное презрение к истине и даже к правдоподобию. Иначе говоря, ложь и пропаганда — близнецы-сестры, по убеждению Койре.

Эту констатацию Койре я сразу соотнесу с идеями Ханны Арендт. Такой подход уже складывается в литературе предмета [Шолохова 2013], и я буду его развивать. В эпилоге книги «Банальность зла» Арендт констатирует главную правду XX века: к концу Второй мировой войны все понимали, что технический прогресс в создании средств насилия сделал преступную войну неизбежной. Устарели различия между солдатом и гражданским лицом, армией и мирным населением, военными объектами и мирными городами, на которых покоились дефиниции военных преступлений Гаагской конференции. «На самом деле эти преступления уже никак не зависели от войны, они ознаменовали собой политику продолжения систематических убийств в мирное время. Перед рассмотрением этого преступления судьбы в Нюрнберге чувствовали себя неуверенно и суть которого они оставили потомкам в соблазнительно двусмысленном состоянии. Понятие об агрессии как тягчайшем международном преступлении было молча забыто» [Арендт 2008: 383–384].

Продолжение систематических убийств в мирное время и забвение понятия агрессии как тягчайшего международного преступления образуют актуальный политический соблазн, в который впадают большинство государственных деятелей, поскольку право объявления войны и мира у них до сих пор никто не отнял. Статья Александра Койре «Размышления о лжи» хронологически и содержательно предшествует книгам Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла» и эссе «Истина и политика». Основные идеи статьи развиты в указанных сочинениях Ханны Арендт, хотя она не ссылается на А. Койре. Во всяком случае указанные работы могут служить методологическим введением в конкретное описание природы лжи как предпосылки политического соблазна агрессии.

Главными соблазнителями выступают государственные деятели. Зазывалами служат официальные философы тоталитарных режимов, группу которых анализирует Койре. Они отвергают понятие объективной истины, полагая критерием «истины» ее соответствие духу расы, нации, класса, а также расовую, национальную, социальную полезность «истины». Эти философы доводят до конца биологические, прагматистские и националистские теории истины. Они считают мысль оружием, цель и функции которого состоят не в открытии реальности, а в изменении и преобразовании реальности. Поэтому миф предпочтительнее науки, а риторика предпочтительнее рациональных доказательств. На этом основании некоторые исследователи считают, что тоталитарные режимы находятся по ту сторону истины и лжи.

В отличие от них Койре выдвигает тезис: различие между истиной и ложью существует даже внутри концепций тоталитарных режимов, хотя они основаны на примате лжи. Поэтому концепции тоталитаризма тоже нуждаются в систематизации с точки зрения близости к полюсам истины и лжи. Естественно, здесь возникает вопрос: какую концепцию истины избрать в качестве абсолютного критерия для такой систематизации? На этот вопрос я здесь ответить не готов. А только подчеркну, что в современных исследованиях показано, что российский интеллектуализм возник как элемент внутренней колонизации России, в которой (колонизации) прагматистские установки Министерства внутренних дел и Министерства просвещения Российской империи играли роль, аналогичную министерствам колоний европейских стран [Эткинд 2013]. В этих министерствах служило большинство заметных российских интеллектуалов, подчиняющих проблему истины другим критериям¹. По крайней мере, ни один из них никакой теории истины или хотя бы размышлений об этом предмете не создал.

¹ Философами были Н. Надеждин, К. Кавелин, Ю. Самарин и П. Редкин, ориенталистами — И. Липранди, В. Григорьев, П. Савельев, Я. Ханьков, писателями — П. Мельников, И. Тургенев, И. Аксаков, В. Одоевский, В. Соллогуб, М. Салтыков-Щедрин, Е. Корш, Н. Лесков и другие.

Предпосылки пренебрежительного отношения к истине Койре описывает на примерах отношения религиозной, философской и социальной морали ко лжи. Правила религиозной морали в мировых монотеистических религиях осуждают ложь и квалифицируют ее как серьёзный грех. Слово праведника вслед за божественным словом может и должно быть словом истины.

За исключением Канта и Фихте философские морали полагают, что «Не всякую истину не всегда и не всем стоит говорить». Ложь выражается в словах, а всякое слово обращено к конкретному индивиду. Но истина является «кормилицей» только сильных душ. Для слабых она может быть опасна. Ее надо дозировать, учитывать последствия ее использования. Поэтому не существует общего морального долга и права говорить правду всем.

Согласно нормам социальной морали ложь допустима, пока не мешает нормальному функционированию социальных отношений, никому не вредит и не разрывает социальную связь внутри группы. Ложь не рекомендуется в состоянии мира, хотя допускается в дипломатии, торговле и рекламе². Исключением остаётся война, во время которой использовать ложь «правильно и хорошо».

Стало быть, мысль Койре состоит в том, чтобы все виды морали (религиозной, философской и социальной) подвергнуть критерию отношения к лжи в мирное время. Здесь не обойтись без фундаментальных метарелигиозных, метафилософских и метаэтических исследований, которые стремятся переосмыслить традиционное отношение между моралью, религией и политикой. Если существует моральный выбор в политике [Капустин 2004], то почему не предположить политический выбор в морали? Я думаю, что проводниками при путешествии по кругам современного социального ада могут служить концепции политической этики Исаяи Берлина (базирующиеся на радикальном конфликте язычества и христианства как основы всей европейской цивилизации) [Берлин 2001], и суждения отца Александра Шмемана о православном отношении к истине: «Но вот что страшно: из всех объектов его (русского человека, В.М.) любви наименьшее место занимает *истина*. Я бы сказал, что если говорить в категориях греха, то грех — это отсутствие любви к *Истине*... Болезнь, присущая русскому Православию, именно здесь... Но о чем бы он ни спорил, чем бы ни возмущался и ни восхищался — критерием для него никогда не будет *Истина*... А так как именно Истина и только она — *освобождает*, русский действительно обычно — раб своей «любви» (курсив А. Шмемана, В.М.) [Шмеман 2007: 480]. Эти беспощадные констатации двух выдающихся знатоков европейской и русской культур можно избрать критерием для обсуждения поставленной Койре проблемы.

Не менее важной проблемой является квалификация войны как социального контекста лжи. Койре ставит вопрос: что происходит, если война из исключительного, эпизодического и преходящего состояния превращается в постоянное и нормальное состояние общества? Ложь превращается в норму поведения. Истина для своих, ложь для других становится социальной нормой. Койре указывает несколько антропологических и социальных следствий преобразования лжи в обязательную добродетель. В XX веке такие группы (общества) стали реальными и приобрели умственную структуру, которая сложилась под влиянием трех факторов:

- степень удалённости и противостояния групп дает возможность систематически описать различные состояния умов и поведения: естественную враждебность к чужаку, потенциальному и реальному врагу; священную ненависть участников религиозных войн; биологическую жестокость участников войн расового уничтожения;

² До сих пор известно крайне мало обществ (типа маори), которые запрещают использование военных хитростей, и ещё меньше обществ (типа квакеров и ваххабитов), которые настолько религиозны, что запрещают любую ложь в отношении другого, чужака, противника.

- соотношение сил выражается в степени опасности группе со стороны соседей-врагов; поскольку ложь — оружие слабых, постольку хитрость не используется, если врага можно легко подавить; хитрят, чтобы избежать опасности;

- частота контактов между группами противников и их членами; если группы входят в контакт только на поле битвы, то у них мало случаев лгать другим. Ложь предполагает контакт и требует обмена.

Данные факторы позволяют описать сферу международной политики государств. Это описание требует учёта взаимосвязи между деятельностью церкви и институтом войны. Ж. Минуа детально описал генезис, структуру и практические воплощения концепта священной войны во всех мировых религиях, которые рано или поздно начинают способствовать войне [Минуа 2001]. А. Доманин изучил реализацию данного концепта в идее и практике крестовых походов [Доманин 2003]. Под таким углом зрения можно изучать и роль РПЦ в процессах внутренней колонизации России.

У Койре и здесь есть чему поучиться. Для перехода к анализу внутренней политики стран он ставит вопрос: что происходит, если группа является центром враждебного общества, с которым находится в ежедневном контакте? В этом случае внешнее давление на группу резко возрастает, а вслед за ним повышается польза и ценность способностей лгать и достоинство лжи. Возникает крайняя ситуация абсолютной и тотальной вражды. Социальная группа оказывается перед выбором: исчезнуть фактически или ускользнуть от противников, применяя технику и оружие лжи. Для такой группы ложь становится условием существования и главным модусом бытия.

Проблема истины становится элементом социологии тайных обществ, очерк которой предлагает Койре. Любое общество создаёт проницаемую границу между собой и другими обществами; устанавливает отношения единства и солидарности между членами; придаёт важность защите символов, которые формируют ее содержание; видит в верности долг членов; устанавливает организацию и иерархию. Все эти свойства усугубляются в тайном обществе: граница становится непроницаемой; доступ превращается в акт посвящения; солидарность превращается в преданность; символы приобретают сакральную ценность; верность становится высшим долгом членов; иерархия становится секретной, приобретает сакральную ценность; дистанция между уровнями возрастает, авторитет становится безграничным, а подчинение руководителю образует правилом отношений между членами группы.

В соответствии с данными критериями Койре предлагает разделить все тайные общества на общества доктрины и общества действия. Выживание обоих связано с сохранением двойной тайны: существования; целей и деятельности. Отсюда следует, что высший долг члена тайного общества состоит парадоксальным образом в сокрытии самого факта существования данного общества. «Скрывать то, что есть, и для этого изображать то, чего нет, — таков, следовательно, модус существования, который всякое тайное общество неизбежно навязывает своим членам» [Койре 2013: 360]. Это значит: никогда не говорить то, что думаешь и во что веришь, а говорить всегда обратное. Для любого члена тайного общества слово является средством таить свою мысль.

Отсюда вытекает главное следствие существования таких групп и обществ: любое публично произнесённое слово и вся их совокупность являются ложью. Истинным является только то, что не говорят или открывают лишь «своим». Истина становится эзотеричной, скрытой, недоступной для публичного, вульгарного, профанного. Поэтому член тайного общества никогда не поверит тому, что услышит на публике от человека из своего сообщества. И никогда не примет за истину то, что будет публично объявлено его руководителем. Руководитель всегда публично обращается к «другим», которых он обязан оставлять в дураках.

Именно в отказе верить тому, что говорится публично, выражается доверие члена тайного общества своему руководителю.

Койре вводит концепт «заговора среди бела дня» для анализа тоталитарных партий и правительств, в которых *совпадают* свойства тайных обществ и политической лжи. Их цель состоит в поглощении всей нации (или расы) целиком. А деятельность сводится к использованию макиавеллиевской техники лжи второго уровня³. В этом случае сама истина становится инструментом дезинформации. Именно с помощью публичности государства и тоталитарные партии являются в буквальном смысле слова заговорами среди бела дня. В этом и состоит политическая инновация.

Заговор среди бела дня — новая форма общества, присущая эпохе массовой демократии. Это общество нацелено на действие, нуждается в концентрации внимания публики на самом себе, особенно на руководителях. Победа заговора не ликвидирует свойства тайного общества. Наоборот, она укрепляет чувство превосходства нового правящего класса, его убежденность в причастности к элите — отделённой от массы аристократии.

Тоталитарные режимы — это заговоры, которые имеют свой исток в ненависти, страхе, зависти, и движимы желанием мести, доминирования и грабежа. Такие заговоры частично преуспели в завоевании власти, захвате государства в свои руки и заставили остальное общество признать себя в своих странах. Но они еще не реализовали поставленные цели и продолжают замышлять заговор.

Возникает вопрос: не является ли понятие заговора среди бела дня противоречием в определении? Ответ Койре звучит так: в этом заговоре лишь элита знает действительные цели заговора, которая создаётся из руководителей и ведущих членов «партии». Но поскольку элита вынуждена действовать публично, она создаёт публичный дискурс. Поэтому сохранение тайны означает постоянное применение правила: всякое публичное высказывание является криптограммой и ложью. К ним относятся теоретическое высказывание, политическое обещание, официальная теория (религия) и заключаемые элитой договоры. Посвящённые это знают, понимают, расшифровывают и различают покров истины. Все остальные принимают публичные заявления за истину. Тем самым они проявляют себя как недостойные узнать тайную истину и войти в элиту.

Короче говоря, мысль Койре однозначна: вся социально-политическая сфера поражена ложью; элита — вдохновитель и организатор тотальной лжи. Члены элиты понимают сокровенную мысль руководителя, знают тайные и реальные цели движения. Поэтому их не смущают противоречия и беспочвенность его публичных заявлений: они знают, что их целью является обман массы, противников, «других», и восхищаются руководителем, который применяет и использует ложь. Другие показывают своим доверием к элите нечувствительность к противоречиям, неподверженность сомнениям и неспособность мыслить.

Эта установка свойственна всем тоталитарным режимам и предполагает определённую антропологию и пропаганду, которые анализирует Койре.

Тоталитарная антропология настаивает на примате действия, презирает теоретическую мысль, но высоко оценивает рассуждающий и рассчитывающий дискурсивный разум. Она ставит его настолько высоко, что отказывает в нем большинству смертных. В тоталитарной антропологии человек не определяется мыслью, разумом, суждением потому что, согласно

³ Здесь Койре приводит пример: Гитлер публично объявил всем свою программу действий. Но потому, что он знал, что в нее не поверят «другие», его заявления не были приняты всерьёз непосвящёнными. Говоря им истину, он был уверен, что обманет и усыпит бдительность своих противников. К этому можно добавить, что пример Гитлера оказался заразителен: «Существовавшая в Советском Союзе до Горбачева традиция секретности и обмана (маскировки) всегда имела следствием то, что официальная доктрина была неправдоподобной именно потому, что провозглашалась официально» [Кревельд 2008: 36].

ей, абсолютное большинство людей его лишены. Тоталитарная антропология не признает существование единой и всеобщей человеческой сущности. Для нее не существует различия в степени между одним и другим человеком, но существует различие в природе. Старое греческое определение человека как *zoon logicon* основано на двусмысленности: не существует необходимой связи между логосом-разумом и логосом-словом и общей меры для человека как животного разумного и человека как животного говорящего. Поскольку говорящее животное является прежде всего животным легковёрным, а легковёрное животное — это как раз то, которое не думает.

В тоталитарной антропологии различие между истиной и ложью, решением и суждением почти не встречается. Оно является делом элиты, а не массы. Масса ведома инстинктом, страстью, чувствами, озлобленностью [ressentiment]. Она умеет лишь подчиняться и верить, но не умеет думать и хотеть. Она верит всему, что ей настойчиво говорят, потворствуя ее страстям, ненависти и страхам. Таким образом, бесполезно стараться остаться по эту сторону границ истинности: наоборот, чем больше, массовее и резче лгут, тем больше поверят и скорее последуют. Бесполезно стараться избежать противоречия: масса никогда не заметит его. Бесполезно пытаться согласовывать то, что говорят одним, с тем, что говорят другим: никто не поверит тому, что говорится другим, все поверят тому, что говорится именно им. Бесполезно добиваться когерентности: у массы нет памяти. Бесполезно скрывать от нее истину: она совершенно неспособна ее воспринять. Бесполезно даже скрывать от нее то, что ее обманывают: масса никогда не поймёт, что речь идёт о ней, что речь идёт о приёмах, которые к ней применяются.

Именно на такую антропологию опирается пропаганда руководства и членов заговора среди бела дня. Ее успех объясняет презрение элиты и сторонников тоталитарного режима к массе противников и единомышленников. Масса — это все, кто им верит и идет за ними, а также те, кто им верит, хотя и не следует за ними. Койре считает такую установку легитимной. Представители и руководители тоталитарных режимов имеют все возможности судить об интеллектуальной и моральной ценности их единомышленников и жертв.

В заключение Койре констатирует: если успех заговора сторонников тоталитарного режима может считаться экспериментальным доказательством их антропологической доктрины и эффективности основанных на ней методов обучения и образования, то это доказательство имеет ценность только для их стран и народов. Оно не имеет ценности для демократических стран, которые обнаружили исключительную недоверчивость и не поддались на удочку тоталитарной пропаганде. В этих странах тоталитарная пропаганда тоже поддерживалась локальными заговорами. Но в конечном счёте она смогла обмануть лишь одну партию, которая назвала себя «социальной элитой». Именно народные массы «вырождающихся» и «слабеющих» демократических стран (согласно принципам тоталитарной антропологии) обнаружили собственную принадлежность к высшей категории человечества, которая состоит из мыслящих людей. Одновременно именно тоталитарные псевдоаристократии принадлежат к низшей категории легковёрных и немыслящих людей.

Проблема оценки

В состав каких теоретических традиций можно поместить размышления Койре о лжи для осуществления процедуры дистанцирования и оценки, на которых он настаивал в исследованиях по истории науки? Койре первоначально зафиксировал феномен равнодушия к истине в процессе исследования внутреннего противоречия «правительственной философии» в России начала XIX в. Он считал, что политические аспекты данного противоречия определялись заменой политики международной реакции на политику внутренней реакции в России.

Конкретные проявления указанной риторики изучены Койре в составе различных вариантов «правительственной философии» (Голицына, Магницкого, Рунича и т. п.). Все они подпадают под типологию А. Хиршмана и могут рассматриваться как местные региональные варианты универсального тренда, который не ограничивается данным периодом, но существует до настоящего времени⁴. Правительственная философия всегда имеет антропологическое измерение.

Например, всем известна фигура К.П. Победоносцева — одной из ярких фигур реакционного направления социально-философской мысли в России, который был «... всегда готов содействовать обращению неуважаемого им человека в уважаемый труп» [Амфитеатров 1996: 327]. Но его антропологические качества противоположны антропологическим качествам И.С. Аксакова: «Грубая фигура Ивана Аксакова сильно исчернена реакционными пятнами, но это был, даже и в реакции, человек честный, не доносчик, не холоп, не выгодчик, не сыщик, не «чего изволите» барского крыльца, а, главное, не подьячий и не опричник» [Там же: 325].

Проблема в том, что указанные антропологические качества связывают реакционное и революционное направление российской мысли XIX и XX вв. Например, В.Т. Шаламов в конце 1920-х гг. (и в начале своего первого тюремного срока) выработал для себя кодекс поведения, который был присущ всем русским революционерам, и в состав которого входили те же свойства, которые А. Амфитеатров зафиксировал у И.С. Аксакова и которые начисто отсутствовали у Победоносцева⁵.

Стало быть, требуется сопоставление указанных качеств с особенностями характера и поведения лиц, участвующих во всех направлениях политической мысли и практики, а также причастных к выработке политики в области религии, философии, морали и образования на протяжении XIX–XX вв. Речь идёт о выявлении антропологических пропорций в различных направлениях экономической, социальной и политической мысли и практики, от реакционной до прогрессивной. Такая работа уже идёт под общей рубрикой «антропологического поворота». Например, аналитическая антропология В.А. Подороги завершается выводом о практическом воплощении в России в XX веке Апокалипсиса и абсолютного Зла [Подорога 2015]. А.Т. Бикбов изучает силовые и институциональные обстоятельства господствующих и оппозиционных доктрин в послесталинскую эпоху [Бикбов 2014]. Но в указанных трудах проблема соотношения политической истины и лжи не рассматривается как базисная для формулировки программы и выводов исследования реальных пропорций политической лжи и истины в конкурирующих проектах любой правительственной политики.

Между тем уже упоминаемый А. Хиршман показал, что на протяжении XX века шли споры об истоках ленинизма. Почва для них была подготовлена самим Лениным, который провозгласил себя верным и строгим последователем Маркса. Н.А. Бердяев считал русский

⁴ В этом смысле «Зияющие вершины» и «Жёлтый дом» А. Зиновьева могут рассматриваться как эмпирический материал для доказательства указанного тренда.

⁵ «Я установил для себя несколько обязательных правил поведения. Прежде всего: я не должен ничего просить у начальства и работать на той работе, на какую меня поставят, если эта работа достаточно чиста морально. Я не должен искать ничьей помощи — ни материальной, ни нравственной. Я не должен быть доносчиком, стукачом. Я должен быть правдив — в тех случаях, когда правда, а не ложь идёт на пользу другому человеку. Я должен быть одинаков со всеми — высшими и низшими. И личное знакомство с начальником не должно быть для меня дороже знакомства с последними доходягой. Я не должен ничего и никого не бояться... Я никого не прошу мне верить, и сам не верю никому. В остальном — полагаться на собственную интуицию, на совесть. Так я начал жить в лагере, все время думая о том, что я здесь — от имени тех людей, которые посланы сейчас в тюрьмы, ссылки, лагеря. Но это я должен только думать про себя, помнить, что каждый мой поступок и друзьями, и врагами будет оценён именно с этой, политической, стороны. Быть революционером — значит прежде всего быть честным человеком. Просто, но как трудно» [Шаламов 1998: 182–183].

коммунизм Ленина трансформацией и деформацией старой русской мессианской идеи. «В этом споре двух крайностей, — пишет А. Хиршман, — каждая из которых указывает на влияния из прошлого, была полностью упущена третья альтернатива: Ленин, долгие годы проживший в и в других местах Западной Европы, мог находиться под сильным влиянием современной ему европейской атмосферы, пропитанной ядовитой нутряной враждебностью к демократии. На эту атмосферу, выражение которой можно найти в трудах Парето, Сореля и многих других, нередко возлагалась ответственность за возвышение фашизма. На мой взгляд, данная альтернатива заслуживает куда больше доверия» [Хиршман 2010: 160].

Я думаю, что проработка различных аспектов «ядовитой нутряной враждебности к демократии» на основе применения концепции Койре поможет более конкретно описать официальных философов тоталитарных режимов. При этом можно использовать типологию социальных фигур для изучения манипулятивных отношений в современном обществе, снимающих противоположность истины и успеха [Макинтайр 2000]. В этом случае академическая теория истины вынуждена вступить в битву с концептом успеха — одним из популярных продуктов современного массового общества. Битву придётся вести без особой надежды на победу, поскольку прагматистская концепция истины связывает духовный режим с правительственной философией.

Надо учитывать воспроизводство стереотипов официальной правительственной философии в нормативных антропологических образцах. Например, нормативный образец советского (русского, тоталитарного) человека включает представления: об исключительности, особости, превосходстве или несопоставимости его с другими народами; его «принадлежности» государству (ожидание «отеческой заботы от начальства» и контроля над собой, принятие произвола властей как должного); уравнивательные антиэлитарные установки; соединение превосходства с ущемленностью (комплекс неполноценности). Все это пропагандируется нынешними СМИ [Гудков 2016: 30] и прямо или косвенно связано с воспроизводством универсальных и локальных трендов реакционной риторики, которые Койре описал в России двухсотлетней давности.

Наконец, продуктивность концепции Койре особенно важна в той части, в которой он описывает войну как социальный контекст лжи. Общая проблема контекста изучается в трудах по социальной и культурно-исторической эпистемологии [Касавин 2010; Порус 2013; Культурно-историческая эпистемология... 2014], но война как социальный контекст лжи в данных работах не рассматривается. С другой стороны, в литературе, посвящённой анализу современной войны как социального явления, место и роль лжи в процессе выработки и осуществления военных операций тоже не описывается. В результате любой исход военных действий можно представить как успех [Арон 2000; Кревельд 2008]. Надо учитывать, что на протяжении существования СССР и современной России войны были постоянным фактором социальной жизни, и сегодня издаются целые книги о «неизвестных войнах» [Ларин, Хватов 2012]. В результате секьюритизация пронизала всю сферу выработки и проведения политики [Гольц 2004; Гольц 2005]. Появление информационных войн в России свидетельствует об институционализации всех факторов лжи, описанных Койре [В Минобороны РФ... 2017].

Из всего сказанного вытекает безусловная эвристичность его концепции, а также необходимость использовать ее в качестве пропедевтики ко всем предметам и темам, для которых проблема истины и лжи является центральной, и описания под таким углом зрения всех социальных институтов и политических учреждений. «Жизни не по лжи», к которой призывал А.И. Солженицын, не получилось (пока или навсегда?..).

Contextual political analysis... 2006. *Contextual political analysis* / Edited by Robert E. Goodin and Charles Tilly. — Oxford University Press Inc., New York.

Амфитеатров А. 1996. Победоносцев как человек и как государственный деятель. — *К.П. Победоносцев: pro et contra*. Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л. Фирсова. — СПб.: РХГИ.

Арендт Х. 2008. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. — М.: Издательство «Европа».

Арон Р. 2000. *Мир и война между народами*. Под общей ред. канд. полит. наук Даниленко В.И. — М.: NOTA BENE.

Берлин И. 2001. Оригинальность Макиавелли. — *Человек*. — № 2–4.

Бикбов А. 2014. *Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. — М.: Изд. дом НИУ-ВШЭ.

Бюрократия... 1993. Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы «круглого стола»). — *Вопросы философии*. — № 2.

В Минобороны РФ... 2017. *В Минобороны РФ создали войска информационных операций*. — Доступно: <http://www.interfax.ru/russia/551054>. — Проверено 27.02.2016.

Гольц А. 2004. *Армия России: 11 потерянных лет*. — М.: Захаров.

Гольц А.М. 2005. *Российский милитаризм — препятствие модернизации страны*. — М.: Фонд «Либеральная миссия».

Горохов В.Г. 2015. Метод историко-критического анализа концептуальных схем науки Александра Койре. — *История философии*. — № 1. — Т. 20.

Гудков Л. 2016. Социология Юрия Левады. — Левада Ю.А. *Время перемен: предмет и позиция исследователя*. — М.: НЛЮ.

Доманин А. 2003. *Крестовые походы. Под сенью креста*. — М.: Центрполиграф.

Капустин Б.Г. 2004. *Моральный выбор в политике. Учебное пособие*. — М.: КДУ: Изд-во МГУ.

Карташев А.В. 1992. *Собрание сочинений в двух томах. Очерки по истории русской церкви*. — М.: ТЕРРА.

Касавин И.Т. 2010. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы. — *Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы*. Под ред. И.Т. Касавина. — М.: «Канон+».

Койре А. 1985. *Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий*. — М.: Прогресс.

Койре А. 1994. *Мистики, спиритуалисты, алхимики Германии начала 16 века*. — Долгопрудный: Аллегро-Пресс.

Койре А. 2003. *Философия и национальная проблема в России начала XIX века*. — М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ.

Койре А. 2013. Размышления о лжи / пер. С.С. Шолоховой под ред. А.В. Ямпольской. — *Ежегодник феноменологической философии. 2013*. — М.: РГГУ.

Койре А. *Электронная библиотека Института философии РАН. Новая философская энциклопедия*. — Доступно: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01d3fc03038f3a004c82c7d3>. — Проверено 23.02.2017.

Костюк К. 2002. Три портрета: социально-этические воззрения в Русской православной церкви конца XX века. — *Континент*. — № 113.

Кревельд М. ван. 2008. *Трансформация войны*. — М.: ИРИСЭН.

Ларин М.Ю., Хватов А.В. 2012. *Неизвестные войны России*. — М.: ООО «Дом Славянской книги».

Майофис М.Л. 2010. От идеи «единой Европы» к идее «особого пути»: С.С.Уваров в 1816-1821 годах. — *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия*. Под ред. Э.А. Паина. — М.: Три квадрата.

Макаренко В.П. 1989. *Бюрократия и сталинизм*. — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского ун-та.

Макаренко В.П. 2009. Научно-обывательское знание — интеллектуально-политические моды? — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2.

Макаренко В.П. 2016. Философская жизнь и концептуальная рутина. — *Вопросы философии*. — № 1.

Макаренко В.П. 2017. Отечества бесстрастные чины. — *Независимая газета-сценарии*. 27.12. 2017. — Доступно: http://www.ng.ru/scenario/2016-12-27/9_6895_biurokrat.html. — Проверено 6.03.2017.

Макинтайр А. 2000. *После добродетели: исследования теории морали*. Пер. с англ. В.В. Целищева. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.

Милош Ч. 2003. *Порабощенный разум*. — СПб: Алетейя.

Минуа Ж. 2001. Священное писание, война и сакральное. — *Философия права*. — № 1–2.

Неретина С.С., Огурцов А.П. 2011. *Концепты политической культуры*. Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН.

Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. — М.: РОССПЭН.

Пивоваров Ю.С. 2014. *Русское настоящее и советское прошлое*. — М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга.

Подорога В. 2015. *Время После. ОСВЕНЦИМ и ГУЛАГ: мыслить абсолютное Зло*. — М.: Логос.

Порус В.Н. 2013. Выбор интерпретации как проблема социальной эпистемологии. — Порус В.Н. *Перекрестки методов (Опыты междисциплинарности в философии культуры)*. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Соловьев Э.Ю. 2016. *Проспект доклада Э.Ю. Соловьева Философия как критика идеологий*. — Доступно: http://www.rusliberal.ru/books/07_06_2016_soloviev.pdf. — Проверено 5.03.2017.

Пружинин Б.И. 2009. *Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии*. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Культурно-историческая эпистемология... 2014. *Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы: к 70-летию Б.И. Пружинина*. — М.

Пружинин Б.И. 2014. Социальные технологии как средство принуждения к конвенции. — *Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод. Коллективная монография*. Под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. — М.: Политическая энциклопедия.

Руткевич А.М. 2003. Послесловие. — Койре А. *Философия и национальная проблема в России начала XIX века*. — М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ.

Согрин В.В. 2005. 1985–2005: три превращения современной России. — *Отечественная история*. — № 3.

Хиршман А. 2010. *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. Пер. с англ. Д.А. Узланера. — М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.

Шаламов В.Т. 1998. *Собр. соч. В 4 т. Т.* — М.: Худож. лит., Вагриус.

Черняк В.С. 1985. А. Койре — философ и историк науки (Послесловие). — Койре А. *Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий.* — М.: Прогресс.

Шейнис В.Л. 2014. *Власть и закон: политика и конституция в России в XX–XXI веках.* — М.: Мысль.

Шмеман А., прот. 2007. *Дневники: 1973–1983.* Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорфман; Предисл. С.А. Шмемана; Примеч. Е.Ю. Дорфмана. 2-е изд., испр. — М.: Русский путь.

Щедрина Т.Г. 2008. *Архив эпохи: тематическое единство русской философии.* — М.: Российская политическая энциклопедия.

Шолохова С. 2013. Предисловие переводчика к «размышлениям о лжи» А. Койре. — *Ежегодник по феноменологической философии. 2013 (111).* — М.: РГГУ.

Эткинд А. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России.* — М.: Новое литературное обозрение.